

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ

В.И. СПИРИДОНОВА

Дискуссии относительно причин современного российского кризиса наглядно свидетельствуют о недостаточном осознании специфики национальной топики социального развития. Такая постановка вопроса заставляет нас обратиться к исследованию того первоначального состояния, которое сформировало фундаментальную мифологему эволюции страны, к анализу прототипов и первообразов менталитета и ценностей нации.

Когда возникает речь об архетипах, то следует помнить, что они, как указывает основатель этой проблематики в современной науке К. Юнг, никоим образом не являются просто раздражающими пред-рассудками. Они репрезентируют невидимые корни сознания и несут очень важную позитивную духовную нагрузку. Они перекидывают мост между современным состоянием сознания народа, которому постоянно угрожает утрата собственных корней, и первоначальной естественной, бессознательной, инстинктивной целостностью. Архетип – это вовсе не то, что существовало однажды в далеком прошлом, но то, что продолжает существовать сейчас. Ибо эта действительность не менее, если не более реальна, чем материальный мир¹.

Наша главная задача в отношении архетипического не в том, чтобы изыскать и восстановить правду старины в ее застывшей неизменности, а в том, чтобы овладеть искусством того, что называлось некогда усвоением *rites d'entrée et de sortie*, т.е. «ритуалами входа и выхода». Иными словами, речь идет не об отказе от прогрессивных новшеств. Напротив, речь идет о том, чтобы, поняв свою национальную натуру, усвоить верную, но **самобытную методологию освоения этого нового**. В процессе анализа необходимо найти то намечающееся общее для «старинны» и «новизны», те *loci communes*, которые важно исследовать для успешного процесса самоосознания нации.

Две парадигмы мировосприятия: историческая и космологическая

Различные авторы определяют особенности сложившегося типа российской государственности по-разному. Однако все сходятся в одном: Россия и Западная Европа развиваются несинхронно, и поворотным пунктом в их расхождении, точкой бифуркации, историческим перекрестком является эпоха Средневековья.

Именно в этот период происходит оформление двух принципиально различных способов отражения действительности в обще-

ственном сознании и, соответственно, двух логик социального мышления, породивших позднее цивилизационное расхождение между Западом и Востоком. Современные исследователи выделяют два устойчивых типа переживания действительности, которые характерны как для индивидуального, так и для коллективного сознания. Они образуют две абстрактные модели — «историческую» и «космологическую»².

В реальности эти два принципа сосуществуют, однако в различных культурах акцент делается на каком-нибудь одном из них, что предопределяет своеобразие биографии данного сообщества. Для исторического сознания события прошлого предстают как результат других, более ранних событий. Это логически порождает необратимость времени, линейное его течение. Формируется идея эволюции как **прогресса**. Такое мировосприятие составляет фундамент европейского развития, европейской цивилизации. Космологический тип мировосприятия, довлеющий в российском бытии, сохраняет привязанность к ядру онтологически заданного текста, к архетипу, к «мифу», лежащему в основании российского мироздания, до сих пор неразгаданному. Сегодня он интригует нас с особой силой, потому что мы накопили опыт исторического прорыва его сущностных параметров во внешне отличные друг от друга периоды российского социального экспериментирования. Прослеживается повторение главных исходных форм, которые вуалируются кажущимся разноликим, даже контрастным, набором эпохальных черт, по сути своей, поверхностных и случайных.

Акцент на космологическом восприятии развития в противовес историческому обуславливает важность идеологического фактора для активизации политического процесса в России. Важно наличие мифа, доктрины, проекта. Именно они способствуют мобилизации нации на реальное политическое действие. Во времена Ивана Грозного впервые проявилась весомость доктринальной составляющей политики. Речь идет об известной концепции «Москва — Третий Рим» как идеи спасения страны и мира через принятие Русью миссии Православия. В начале XX в. Россия вдохновляется марксистским проектом, социалистической идеей спасения себя и человечества. Конец XX — начало XXI века — период растерянности, и главный упрек его вождям состоит в отсутствии четкой перспективы, проекта развития.

Два типа государственности и две структуры власти

Во времена Ивана IV намечаются главные особенности российской государственности, которые до сего времени продолжают отличать ее от европейско-американского цивилизационного об-

разца. Начало этого процесса восходит к идеологическому расколу Римейского царства на Западно-Ромейское и Восточно-Ромейское.

Специфика европейского положения состояла в том, что христианская традиция не была органическим продуктом варварской культуры галлов и германцев. Римско-католическая церковь изначально оказалась оторванной от государства и, используя свою независимую позицию, вступила в борьбу за власть с государством. Фактически это означало выстраивание баланса двух властей — церковной и светской. Формировалось политическое измерение властных отношений, в результате которого оба субъекта политической жизни превратились в самостоятельные и равнозначимые учреждения, а центральными идеями стали равновесие властей и общественный договор. Государство, в конечном счете, стало отождествляться с администрацией, аппаратом, машиной управления.

В отличие от Западной Европы восточная (византийская) ветвь христианства породила тесный симбиоз государства и церкви с последующим первенством государства над церковью — цезарепапизмом. Эта отрицательная с точки зрения светского прагматизма черта усилила и сохранила идеократическую направленность российской государственности. Однако одновременно она породила опасность перерождения умеренного и полезного этатизма в идеологический тоталитаризм.

Эпоха Московского царства предстает как период радикального исторического выбора в российском развитии, когда были заложены осевые структуры современной модели коллективного сознания нации и в первую очередь, алгоритма властвования. В преддверии этой эпохи Россия находилась на историческом распутии — имело место колебание между расширением влияния дружинно-княжеского менталитета, который по своей сути был близок к социальному образцу западного вассалитета, и избранием «министералитета» как главной формулы власти.

Различие принципиально. Если в основе вассалитета лежит договор сторон, предусматривающий их формальное равенство, то министералитет — это служба недоговорного характера. Он позволяет властителю создать для себя искусственную опору власти — штат верных подданных, связанных с монархом узами личной зависимости. Такого рода модель взаимоотношений существовала в определенный период в Западной Европе и была характерна для периода вынужденной централизации государств. Особое развитие подданство-министералитет получил в Германии XI — XII веков. Однако он не стал господствующим стилем и, развиваясь, перерос в **вассалитет**, который и стал ведущим типом отношений в евро-

пейском регионе. Ему сопутствовало создание правовой системы и распространение договорного типа отношений во всех слоях и структурах общества.

Два фактора – включение России в состав Монгольской империи и территориальный – сделали для нее исторический выбор однозначным в пользу централизации власти. Первое обстоятельство ввело в постоянное пользование образец жестких властных отношений по типу государь – холоп. Второе требовало твердой власти для сохранения «связности» единого пространства существования. Государь, таким образом, превращался на Руси в государя-владыку и в государя-хозяина.

Главные черты российской государственности

Во времена Московского царства намечается эпохальный, судьбоносный выбор России, определяющий модель развития страны и народа на многие столетия вперед. Лейтмотивом этого выбора становится государство и государственность как главное действующее лицо и «мейнстрим» российского развития.

Первое качественное определение российской государственности связано с *эсхатологической* идеей, господствовавшей в средневековом сознании. Образ мира в древней Руси задавался сакральными христианскими текстами. Все ценности, смыслополагания и действия личности реализовались в контексте ожиданий конца времен и наступления Новой эры – эры вечной и справедливой жизни, рая на земле.

Корни такой картины мира, уйдя со временем в коллективное бессознательное, сформировали такую национальную черту, как лиминальность, стремление к пределу, которая сопутствует российскому человеку и в общественных проектах, и на личностном уровне. Наиболее масштабным проявлением этого алгоритма стала склонность к «дискретному» варианту развития, революционным «скачкам» в «царство свободы». Стремление к краю, концу, пределу приобретало экстатически восторженную окраску – страшную, но невероятно желанную и притягательную, ради которой и самой жизни не жаль. Именно таким было мирочувствование революции людьми, ее подготавливавшими. С особой ясностью это проявилось у романтиков-экстремистов, буквально приносивших свои жизни на «*а.тарь* революции».

Во-вторых, российская государственность формируется как *мессианско-имперская*. Концепция «Москва – Третий Рим» родилась как идея «translation imperii». После падения «Второго Рима» на Москву было перенесено прежнее значение Византийской империи как богоспасаемой территории, откуда она хранит чистоту

веры. Подразумевалось, что Московское царство будет последним, которое поддерживает праведность христианского учения в преддверии конца света. Речь шла не о завоевании, а о Спасении. Этим определяется своеобразие политических стратегий российского государства в плане построения империи.

Стремление России отдалить конец света в культурном сознании народа трансформировалось в тяжкое бремя духовного подвига самоотречения и жертвенности. Ее главными качествами стали опека и патернализм, а не покорение и господство над входящими под ее длань народами.

Эта концепция определила наперед особый статус и дух российской империи. В XX веке Россия вступает в Первую мировую войну, не имея «личной» заинтересованности в ее исходе, выполняя обязательства перед союзниками. В середине столетия российский народ воевал не только ради освобождения собственной территории. Исключительно важна была идеологическая сторона противостояния фашизму. То было спасение мира и человечества от фашистской «чумы». Позднее такого же рода политикой были экономически жертвенное поведение СССР по отношению к входящим в социалистический лагерь странам Содружества, не говоря уже о дотационном характере структуры экономики внутри Союза. Да и сама идея социализма – центральная для XX столетия – родилась и просуществовала как символ и инструмент защиты обездоленных и угнетенных.

«Россия является Империей своеобразной, – писал Г. Федотов, автор известной статьи «Судьба империй», – ее нерусские владения не отделены от нее морями. Они составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин... И у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере. Общий баланс, вероятно, положительный, как и прочих Империй Европы. И если бы мир мог еще существовать как равновесие Империй, то среди них почетное место занимала бы Империя Российская»³.

На всем протяжении российской истории к помощи государства прибегают в кризисные «последние» времена – в периоды смуты, краха, когда народу и обществу грозит уничтожение. С другой стороны, подъем народного духа, мобилизация нации совпадает с угрозой существованию государства. Так обстояло дело в периоды великих войн – Отечественных. То были отголоски архетипиче-

ского восприятия государства как «дома домов», сложившегося в средневековой Руси. Именно таким виделось строение государства в Московии. Впоследствии в минуты военных опасностей спасение государства от иноземных нашествий было равноценно отстаиванию «родного дома».

К характеристике русской государственности как эсхатологической и мессианской близко примыкает ее определение как *социологической* (от греч. «спасение»). Сквозная идея Московского царства — идея религиозного спасения себя и всего человечества как христианского царства.

На практике идея спасения реализуется как идея «катехона», «удерживающего» мир от нашествия мирового зла, «антихриста». В этом отношении следует помнить, что «трансляция империи» включала в себя восприятие определенных образцов исторического поведения. Могущество и военная сила Восточно-Ромейской империи были сконцентрированы на оборонительной стратегии. Византийское государство не было обуреваемо импульсом к географическому расширению территории, как это в то же самое историческое время происходило, например, с Западно-Ромейским царством, или, что было ранее характерно для греческих завоеваний Александра Македонского. «Цивилизаторская миссия» Константинополя заключалась в «удержании» столпов веры и, как следствие, в спасении не только себя, но и Западной Европы от исламского вторжения.

Наследуя стратегию военного поведения как оборонительную, как стремление отстоять «свое», русское воинство почитало главной доблестью выстоять перед лицом противника, сдержатъ его натиск. Его сильной стороной во всех великих сражениях было умение «стоять насмерть». Одним из известнейших эпизодов российской истории является «стояние на реке Угре», положившее конец татаро-монгольскому нашествию на Русь. В Куликовской битве Дмитрий Донской делал ставку на позднее сформулированное утверждение: «Велика Россия, а отступать некуда». По свидетельству историков, военная позиция с точки зрения возможности отступления была им выбрана намеренно «неудачно». Позади войска протекала река. Военная тактика русского полководца базировалась на показательной «стойкости русского духа» — народного ополчения и княжеской дружины. Схожая тактика ведения боя имела место и в величайшей битве начала XIX века — Бородинском сражении. Темп наступления наполеоновской армии был сбит именно тогда, хотя известно, что оно не было выиграно. Напротив, Наполеон считал его своей победой. По сути, с точки зрения тактики русской армии, это было такое же показательное «стояние», явившее крепость духа. Оно и было востребовано народным сознанием как нравственный

бой. Эти настроения точно переданы известными лермонтовскими строками:

Вот смерклось. Были все готовы / Заутра бой затеять новый / И до конца стоять...⁴.

О стойкости «русского духа» знали и иностранцы. Широко известно высказывание прусского короля Фридриха II: «Русского солдата мало убить, его надо повалить»⁵. Наконец, последнее великое сражение – Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов – также выиграно в немалой степени русской способностью «стоять» за свою землю и свою родину.

Эта коннотация идеи «спасения» глубоко укоренена в структуре русского коллективного бессознательного. Нация запомнила и сделала символами такие победы, которые стояли на грани поражений, победы с громадными потерями: битву на Куликовом поле, под Полтавой и при Бородине. «После Мамаева побоища еще не раз горела Москва, и Русь окончательно сбросила ордынское иго лишь сто лет спустя; от Полтавы до Ништадского мира был путь длиной в двенадцать лет; после Бородина, которое Наполеон считал своей победой, пришлось оставить первопрестольную столицу... Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы... враг был сильнее, наших полегло больше, но мы не дрогнули»⁶. Народный нравственный кодекс остается неизменным во все времена: Куликовскую битву, Полтавский бой и Бородинское сражение связывает также то, что все это – вынужденные сражения, сражения на родной земле или на ее рубеже. Россия не посягала на чужое, для нации эти битвы были нравственной заступой. Так проявляется устойчивость национальной топики.

Наконец, характерно еще одно определение российского государства, которое получило наименование «*потестарного*»⁷. Оно следует из особой значимости сильной государственной власти в жизни русского общества, которое живет и процветает благодаря особой энергетике. Podesta в переводе с итальянского означает власть; тот же корень лежит в основании латинского potestas. Примечательна благоприобретенная коннотация термина, появившаяся в Италии при фашизме, когда его стали относить к правительственным чиновникам. Технократическая парадигма переносит акцент с могущества монархии на новую бюрократию.

«Потестарность» российской модели наследует Восточно-Ромейскую (византийскую) матрицу, в которой василевс провозглашался наместником Христа. Согласно религиозной доктрине, московский великий князь был признан не просто «могуществом, силой Бога на земле», а его реальным воплощением – Спасителем, Мессией

всего народа Божьего⁸. Московия, не познавшая рецепции римского права, обожествляла правителя. Но подчинение власти не отрицало личной свободы, «холопство» (в непропагандистском понимании) не равноценно западному рабству. «Холопами» государевыми во времена Московского царства называли себя и высокородные бояре, и представители простого народа. Оно есть знак осознанной необходимости коллективного спасения, которое в экстремальных условиях российской географической и геополитической действительности реально осуществимо только через весомую централизацию власти и через солидарность во имя общего блага. К тому же, называя себя так, подданные думали не столько о собственном ничтожестве, сколько о величии миссии православного государя по спасению Руси и человечества в «последние времена». Так формируется особая взаимосвязь личной свободы и сакрализации власти в русском миросозерцании.

«Сильная власть» эпохи Ивана Грозного немыслима без идеи опричнины. Споры об этом нововведении эпохи русского Средневековья не утихают до сих пор. Одни историки усматривают в нем мудрую реформу, имевшую целью покончить с могуществом знати и упрочить объединение страны. В глазах других — это бессмысленная и кровавая затея, не оказавшая на политические порядки никакого позитивного влияния⁹. Возможна, однако, еще одна интерпретация.

Двойственность природы идеологической концепции «Москва — Третий Рим», которая оформилась в двоичный культурный код — святости и могучей государственности, наложила отпечаток на все политические стратегии этой эпохи. Кроме прочего, она составила фундамент идеи опричнины как реализации особого типа служения. Дело в том, что культурный код эпохи мыслил такую службу как высшую призванность ради спасения Отечества как Града Божьего. Эта коннотация «служения» как высшей призванности была сохранена Петром, хотя и переосмыслена в соответствии с новыми реалиями. Она была оформлена как идея государственной службы. Государство становится высшей ценностью. Служба царю как главе бюрократического аппарата в современном звучании открывает новый путь спасения христианской личности, замещая строго религиозную сотериологию¹⁰.

Идея «служения» как особого рода ответственности сохранилась в российском сознании вплоть до XIX в., переосмысленная как «дворянская честь». В советское время она возродилась в сознании интеллигенцией своей особой роли как «критически мыслящей», сохраняющей чистоту помыслов и идеалов в обществе. В постсоветское время, которое в определенном смысле замыкает круг, идея служения вырождается в свою противоположность, теряя

и извращая суть своей «миссии», смысл «призванности», которые составляли ее ядро. Сегодняшнее элитарное сознание легко соединяет прилагательное «избранные» с сильными мира сего. В этом и состоит парадокс тождества, ибо именно так переводилось современниками-иностранцами слово «опричники»¹¹. Российский «гламур» предлагается массовому сознанию в качестве «властителя дум». Однако реалии таковы, что эта «элита» не только не является выразителем национальной идеи, не только не несет никакой ответственности перед обществом и за народ, но теряет всякую связь со страной. Стоит ли повторять известные слова З. Бжезинского о 500 миллиардах долларов российской элиты, которые лежат в иностранных банках, на что он справедливо усмехается: «Вы разберитесь: это ваша элита или уже наша?»¹²

Специфика национального кода изменений

Исследование политических стратегий времен Московской Руси открывает весьма специфический принцип ее саморазвития. **Энергетика «прорыва»** рождается из **провокации раскола внутри своего народа** со стороны правителей. Она создает две антагонистические системы ценностей и, как следствие, происходит столкновение двух культур – «старой» и «новой», которое оформляется не только идеологически, но и материально.

Так, Иван IV разделяет Россию на две антагонистические части: опричнину и земщину. Символично, что земским при этом было оставлено обычное платье, опричникам дана новая одежда. Опричнина и земщина предстают как разные миры. Одна часть воспринимает другую как иноверцев. Так же поступает и Петр. «Он передел высшие сословия в венгерское, потом в “саксонское” и немецкое платье. Он обрил бороды, оставив их лишь крестьянам и духовенству, причем запрет носить бороды на государственной службе сохранялся вплоть до времен Александра III. Разница во внешнем облике и здесь символизирует глубокое культурное расслоение. И при Иване, и при Петре новая одежда дается привилегированной части общества... Борода, как и русское платье, разделяют старую и новую веру»¹³.

Распространено мнение, что засилье иностранцев на Руси началось с правления Петра. Однако, по свидетельству Н.М. Карамзина, это явление, пусть и в более скромных масштабах, было характерно и для царствования Ивана Грозного. Н.К. Карамзин указывает, что правитель Московии поощряет представителей лютеранства: «Царь дозволил Лютеранам иметь церковь в Москве и взыскал важную денежную пеню с Митрополита за какую-то обиду, сделанную им одному из сих иноверцев; хвалил их обычаи, славился своим

Германским происхождением, хотел женить сына на Княжне Немецкой, а дочь выдать за Немецкого Князя»¹⁴.

Таким образом, импульс для рывка вперед в развитии страны российские политические лидеры ищут в искусственном создании слоя новой элиты. Оба российских «модернизатора» видят в ней локомотив, главную движущую силу грядущего развития. Сама по себе ставка на элиту как на наиболее прогрессивную, образованную и склонную к инновациям часть общества не таит в себе опасности. Напротив, многие современные европейские теории анализируют динамику общества как результат процессов, происходящих внутри элит и как продукт ее мобильности. Но российская особенность и российская проблема состоит в том, что главным качеством элиты, которое важно также для самих «модернизаторов», является ее **чужеродность**. Она или напрямую набирается из иноземцев, или же подражание «заморским» ценностям воспитывается в ней и рассматривается как главное условие вхождения в этот слой.

Мотив искусственного раскола общества и взращивания наднациональных качеств новой элиты повторяется и в следующих двух русских «разломах». В Октябре 1917 года такой элитой станут «профессиональные революционеры», опирающиеся на заимствованную марксистскую теорию. Они трансформируются в «комиссаров», которые все сплошь будут одеты в «кожанки». Позже, когда общество вновь консолидируется под руководством «локомотива истории» КПСС, останется разделение на «членов партии» как вождей массы и остальное население. В начале 90-х годов XX века акцент на иностранное «учительство» провозглашается совершенно открыто. Сюда следует отнести и новые финансово-экономические теории, преимущественно американские, и регулярные консультации новой российской элиты в Давосе и США, и прямое включение иностранцев в высшие административные структуры страны. Образ жизни и даже «форма одежды» как «новых русских», так и русского «гламурного» общества резко контрастируют с народом и прежними культурными установками.

Идея разрыва с прошлым оформляется территориально. Начинается с малого, Иван IV «покидает Кремль и селится на Петровке, играя в простого боярина... Москве Грозный противопоставляет Александровскую слободу и Вологду»¹⁵. Петр следует той же формуле, однако масштабы раздвоения явно возрастают и оформляются концептуально. Он буквально разрывает страну на две антагонистические части. «Петр, строя Петербург, запрещает по всей России строительство каменных зданий; так создается не только образ России будущего, но и образ России прошлого — России деревянной, которая должна контрастировать с Россией каменной и обречена

на гибель... Новое создается за счет старого, как его антипод», — замечают российские историки¹⁶.

Советская Россия также осуществила индустриальный прорыв в будущее за счет «отсталой» части народонаселения — крестьянства, хранителя культуры предыдущего культурного периода, территориально противопоставив культуру города культуре деревни как культуру светлого будущего культуре отсталого прошлого. При этом концентрированный носитель прежнего культурного кода был вообще выброшен из страны и составил контуры русской эмигрантской оппозиции вне основной территории. Современная ситуация повторяет ту же схему. Расхожей формулой стало высказывание «Москва — это не вся Россия». Действительно, новая система ценностей и псевдоевропеизированная культура столицы резко контрастируют с жизнью и мировоззрением остальной страны. Что касается нового элитарного слоя, то он не только культурно, но финансово-экономически и территориально ориентирован на Запад.

Двоичный код развития

Ситуация «культурного двуязычия», которая впервые была намечена во времена Ивана Грозного и окончательно оформилась и утвердилась в петровскую эпоху, инициирует в России состояние постоянного мучительного исторического распутья между ориентацией на европейский культурный код развития и органическим стремлением к идеалу.

В этом отношении весьма примечательна сюжетная ткань известного произведения Н.С. Лескова «Левша». Символический характер этой поэмы делает ее актуальной во все времена, ибо содержит идеи-коды, которые в иррационально-метафорической форме выражают алгоритм исторической эволюции народа. В этом произведении-прозрении ярко отражена указанная идея раздвоения как ведущий элемент русской истории. Время действия поэмы охватывает два царствования — Александра I и Николая I. Психоисторические характеристики обоих правителей весьма симптоматичны. Как пишет Н.С. Лесков, Александр Павлович очень увлекался европейскими достижениями и любил чужеземные продукты смотреть. Он объездил все страны, особенно заинтересовался английскими товарами, где все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели. И в итоге государь сказал англичанам: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут»¹⁷. Его сменил государь Николай Павлович, который «в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил»¹⁸. Его неискоренимая вера и на-

дежда на собственный народ восторжествовали, когда Левша-таки сумел превозмочь англичан «на уровне нано-технологий».

Поэма Н.С. Лескова символична, ибо она недвусмысленно рисует исторический маятник, который подтверждает двоичный код развития в координате времени: в истории России правитель прозападный сменяется пророссийским. Мифологемы, подобные лесковской, отражают на генетическом уровне национальный характер и высвечивают судьбу народа. Раздвоение, завещанное стране, имеет место не только на изломе эпох, но и в исторической протяженности.

Последние десятилетия истории страны наглядно показали, что простое копирование американо-европейских достижений не только непродуктивно, но и невозможно. Проект модерн есть прежде всего культурный проект, и европейские достижения – естественный продукт родной культуры. Транспортирование конечных продуктов без соответствующих культурных корней создает не действительность, а иллюзию, которая быстро рассеивается. Это, однако, не означает, что следует претендовать на некую национальную исключительность, отрицать позитивные результаты европейского цивилизационного проекта. Европа нам необходима не только как образец апробированных форм социального устройства, она намного более нужна нам как составная часть нашего внутреннего диалога с самими собой. Если так можно выразиться, нам нужна «внутренняя Европа», которая помогла бы нам создать «полюсы напряжения», из которых должен возникнуть новый энергетический ток для предстоящего модернизационного рывка. Но проект, который мы создадим в процессе грядущего экспериментирования, должен быть и будет исключительно нашим российским культурным проектом, который уходит корнями в российскую национальную почву.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юнг К.Г. Психология архетипа младенца // Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев; М., 1997. – С. 221, 113, 90.

² См.: Успенский Б.А. История и семиотика // Избр. труды. В 3 т. Т. 1. Семиотика культуры. – М., 1996. – С. 26.

³ Федотов Г.П. Судьба империй // Судьба и грехи России. Т. 2. – СПб., 1992. – С. 318, 321.

⁴ Лермонтов М.Ю. Бородино // Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. – М., 1956. – С. 18, 20.

⁵ См., например: <http://www.litru.ru/br/?b=7301&p=1>.

⁶ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII века). Т. III. – М., 1996. – С. 244.

⁷ См.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 440.

⁸ См.: Андреева Л.А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4. – С. 95.

⁹ См.: Скрынников Р. Третий Рим // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skrunnik/_index.php.

¹⁰ См.: Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. 1. – С. 132.

¹¹ См.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – С. 393.

¹² Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ // <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/georgii-malinetzkii-doklad-o-perspektivakh-rf>

¹³ Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – М., 2002. – С. 459.

¹⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Полное издание в одном томе. – М., 2009. – С. 842.

¹⁵ Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха. – С. 177.

¹⁶ Там же. – С. 460.

¹⁷ Лесков Н.С. Левша. – М., 1994. – С. 46.

¹⁸ Там же. – С. 66.

Аннотация

В статье дан анализ формирования моделей политических стратегий российского государства в период Московского царства, составивших основу национального кода развития. Исследуются четыре аспекта исторически сложившегося идеократического типа государственности: эсхатологический, имперско-мессианский, потестарный, сотериологический.

Ключевые слова: российское государство, политические стратегии, модернизация, власть, архетипы коллективного сознания, национальная идентичность.

Summary

The article gives the analyses of the political strategies' models of the Russian State in Moskovia kingdom. These strategies made the foundation of the national evolution code. Four aspects of the historical ideocratic state type have been investigated: eschatological, empirical and messianic, potesterical, soteriological.

Keywords: Russian State, political strategies, modernization, power, collective conscience's archetypes, national identity.